

«ИДЕАЛ МАДОННЫ» В «БРАТЬЯХ КАРАМАЗОВЫХ»

Мотив «идеала Мадонны» введен в текст романа в исповеди Мити перед Алешей (книга третья «Сладострастники», гл. III «Исповедь горячего сердца. В стихах»). Он звучит в широко известном и часто цитируемом контексте: «Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки (...) Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, — знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» (14, 100).

«Идеал Мадонны» в объяснениях Мити сопоставлен с «идеалом содомским» и противопоставлен ему. Это два полюса, две крайние точки, соединенные одной линией — понятием красоты. Обдумаем эту связь.

«Идеал содомский», как ясно, означает ту красоту, какую человек находит в переступании всех границ, любых и всяких, включая те, которые положены самой природой (отсюда выбранный Митей эпитет — «содомский»). За таким «идеалом» стоит апология абсолютного, безбрежного своеволия, готовности отдаться любому желанию, прихоти и капризу, даже если они лишают человека его природного (именно человеческого) достоинства и низводят его на уровень «насекомого» или «зверя». Это падение. Падение с той высоты, на которую человек поставлен природой и Богом, добровольный отказ от исконного и бесспорного благородства.

Мыслью об этом благородстве (высокой чести и достоинстве, несопоставимом с достоинством каких бы то ни было иных, обитающих в этом мире живых существ) Митя начинает свою исповедь, цитируя стихотворение Гете «Божественное» (1783) в переводе А. Н. Струговщикова:

Будь, человек, благороден!

Приведенный стих предполагает опущенное продолжение:

Будь, человек, благороден!
Будь сострадателен, добр!
Лишь возвышенное чувство,
Чувство чести и добра,
Отличает человека
От других земных существ!

Несоответствие природной высоте, свидетельствуя о потере чести и достоинства, для человека не может не быть унижением. Митя цитирует дальше стихотворение Шиллера «Элевзинский праздник» (1798) в переводе В. А. Жуковского, прерывая цитату на следующей строфе:

Плод полей и грозды сладки
Не блистают на пирах;
Лишь дымятся тел остатки
На кровавых алтарях.
И куда печальным оком
Там Церера ни глядит —
В унижении глубоко
Человека всюду зрит!

«— Друг, друг, в унижении, в унижении и теперь. Страшно много человеку на земле терпеть, страшно много ему бед! Не думай, что я всего только хам в офицерском чине, который пьет коньяк и развратничает. Я, брат, почти только об этом и думаю, об этом униженном человеке, если только не вру (...). Потому мыслью об этом человеке, что я сам такой человек» (14, 98—99).

Продолжая цитировать Шиллера, Митя говорит и о том пути вверх, на прежнюю высоту, который открыт униженному человеку:

Чтоб из низости душою
Мог подняться человек,
С древней матерью-землею
Он вступи в союз навек (14, 99).

Заметим, что слова о Матери-земле и ее благотворной, животворящей и воскрешающей силе предшествуют в исповеди Мити словам о Мадонне и безусловно прямо соотносены с ними: ведь тут и там речь идет о том, что противостоит низости.

Но союз с землею (естественный для какого-нибудь мужика) Мите представляется невозможным: «Но только вот в чем дело: как я вступлю в союз с землею навек? Я не целую землю, не

врезаю ей грудь; что ж мне мужиком сделаться аль пастушком? Я иду и не знаю: в вонь ли я попал и позор или в свет и радость. Вот ведь где беда, ибо все на свете загадка!» (14, 99).

Тесная связь мужика с землею определена необходимостью постоянного, упорного на ней труда. Это подчеркивают стихи А. А. Фета («Пришла весна, — темнеет лес...», 1866), к которым отсылают слова Мити («Я (...) не врезаю ей грудь...»). Метафора «грудь земли», отметим, кстати, указывает на то, что речь идет не просто о земле, но именно о Матери-земле):

На плуг знакомый налегли
Все, кем владеет труд упорный,
Опять сухую грудь земли
Врезает конь и вол покорный (14, 99).

Конь и вол покорны человеку; человек покорен времени и сроку, ежедневному и ежегодному круговороту вещей; тяжелый труд на земле покоряет, подчиняет их всех естественному, природному порядку. Этот труд заключает в себе безусловную ценность, потому что направлен на созидание: он заставляет землю родить и помогает ей в ее родах. Он дает «хлеб насущный», без которого невозможна человеческая жизнь и о котором Господь заповедал постоянно молиться: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Труд и молитва (как просьба о помощи¹ и благодарность за нее) и та красота, которая идет от гармонии человеческой жизни с жизнью природы, удерживают и охраняют человека на путях, далеких от своеволия. Напротив, они внушают сознание долга и должного, сознание нормы (границ добра и зла), и готовность, и способность к самоотречению.

Такого труда Митя не знает. Между тем он, как и его отец, как и многие люди привилегированного сословия (или сословий), «ест, пьет и веселится».² И хотя он некорыстолюбив и не ценит деньги сами по себе (ведь они ему слишком легко достаются), он хотел бы их иметь во что бы то ни стало — по возможности больше (или чаще) и скорее (т. е. в любой момент, когда они могут ему понадобиться) и откуда угодно (хотя бы и с неба, в виде чуда³): «У меня деньги — аксессуар, жар души, обстановка. Ныне вот она моя дама, завтра на ее месте уличная девчоночка. И ту и другую веселю, деньги бросаю пригоршнями, музыка, гам, цыганки. Коли надо, и ей даю, потому что берут, берут с азартом, в этом надо признаться, и довольны, и благодарны» (14, 100). И вся эта музыка, гам, цыганки и проч. — без

¹ Ср. обычное пожелание работающим: «Бог в помощь!».

² Ср. притчу о дележе наследства (Евангелие от Луки, гл. 12, ст. 13—21), к которой отсылают слова старца Зосимы (14, 31). Об этой притче см.: *Ветловская В. Е.* Символика чисел в «Братьях Карамазовых» // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 145—148.

³ Ср. слова, с которыми Митя посылает Алешу к отцу, чтобы тот дал ему «в последний раз» три тысячи — в очередной «последний раз», так как однажды этот «раз» уже был (14, 111—112, 103).

труда и даром, за чей-то счет, так что в результате одни тяжело трудятся и нередко бедствуют (мужики, бабы, их едва подростки дети, т. е. крестьянская Россия), а другие, как Митя, со всем неистовством и безудержем веселятся. Это обстоятельство готовит в дальнейшем отрезвление Мити — его «странный сон» о погорелой деревне, бедных, голодных, продрогших от холода бабах и их голодных, промерзших и плачущих детях: «— Нет, нет, — всё будто еще не понимает Митя, — ты скажи: почему это стоят погорелые матери, почему бедны люди, почему бедно дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не целуются, почему не поют песен радостных, почему они почернели так от черной беды, почему не кормят дитё?

И чувствует он про себя, что хоть он и безумно спрашивает и без толку, но непременно хочется ему именно так спросить и что именно так и надо спросить. И чувствует он еще, что подымается в груди его какое-то никогда еще не бывалое в нем умиление, что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая и несмотря ни на что, со всем безудержем карамазовским» (14, 456—457). И далее: «Зачем мне тогда приснилось „дитё“ в такую минуту? „Отчего бедно дитё?“ Это пророчество мне было в ту минуту! За „дитё“ и пойду (в каторгу. — В. В.). Потому что все за всех виноваты. За всех „дитё“, потому что есть малые дети и большие дети. Все — „дитё“» (15, 31). Но прежде чем прийти к этому убеждению, Мите пришлось не раз оступить и испытать немало страданий.

Говоря Алеше о том, что «Бог задал одни загадки» и «всё на свете загадка», утверждая также, что он не знает, где «вонь» и «позор», а где «свет и радость», Митя не совсем прав. Даже в определенном смысле и совсем неправ, потому что важнейшие вещи ему, как и всякому человеку, известны. Сам Митя отнюдь не путает верх и низ, благородство и подлость. Ср.:

« — Слава Высшему на свете,
Слава Высшему во мне!

Этот стишок у меня из души вырвался когда-то, не стих, а слеза... сам сочинил... не тогда, однако, когда штабс-капитана за бороденку ташил...» (14, 386). Славословие Богу и Божьему в себе подобно несовместимо с необузданным гневом и жестокостью. Точно так же, погружаясь «в самый, в самый глубокий позор разврата», Митя понимает, что летит не ввысь, но «в бездну (...) головой вниз и вверх пятами», «вслед за чертом» и «к черту», а не в каком-нибудь ином направлении (14, 99). Другое дело, что это падение (безудержное следование низким желанием) до поры до времени кажется ему «красотой». Но только до поры до времени. Бывают ситуации (а в такой ситуации читатель обычно

и видит Митю), когда ему более или менее не до «красоты»; бывают ситуации, когда срам унижения, в который человек, оступаясь, добровольно скользит, настолько жалок и непригляден, настолько в этой неприглядности всем очевиден, что его уже никак нельзя счесть «красотой», — например, в сцене раздевания и переодевания Мити в Мокром во время предварительного следствия:

«— Что ж, если надо... я... — забормотал Митя и, сев на кровать, начал снимать носки. Ему было нестерпимо конфузно: все одеты, а он раздет и, странно это, — раздетый, он как бы и сам почувствовал себя перед ними виноватым, и, главное, сам был почти согласен, что действительно вдруг стал всех их ниже и что теперь они уже имеют полное право его презирать. „Коли все раздеты, так не стыдно, а один раздет, а все смотрят — позор!“ (...) Но снять носки ему было даже мучительно: они были очень не чисты, да и нижее белее тоже, и теперь это все увидели...» и т. д. (14, 435—437). Наконец, не исключена ситуация, когда в душе человека и вокруг него воцаряется такой глубокий, такой беспросветный мрак, при котором нет ни сил, ни возможности разглядеть никакой «красоты», если б даже она и была.

Как бы то ни было, уже и сейчас (т. е. не доходя до крайнего предела) «красота», хотя временами и сбивает Митю с истинного пути и толку, не заставляет его, однако, путаться в нравственных оценках. Правда, увлекая сердце и подкупая ум, она иногда побуждает о них забыть. Но только иногда. Предаваясь своим безудержным желаниям, Митя все-таки понимает, что он «клоп» и «злое насекомое», что он «зверь» — и не больше (14, 100, 67). Как раз в этой утрате природного достоинства и заключен для него «позор». Герой глубоко унижен избыточной силой таящихся в нем темных страстей. Ср. слова, сказанные Мите судебным следователем (они звучат иронией, поскольку преуменьшают то, что должно быть обозначено превосходной степенью): «Мы все здесь, если только осмелюсь выразиться от лица всех, все мы готовы признать вас за благородного в основе своей молодого человека, но увы! увлеченного некоторыми страстями в степени несколько излишней» (14, 458). Герой свободен от этих страстей лишь в той мере, в какой себя осуждает.

Потребность в самоосуждении — тут та же потребность в чистоте.⁴ Она прорывается у Мити так же искренно и неудержи-

⁴ Достоевский считал это свойство русской особенностью и не раз писал об этом в критических и публицистических работах. Например, в статье «Два лагеря теоретиков (По поводу „Дня“ и кой-чего другого)» (1862): «Да наконец, хотя бы эта способность самоосуждения, которая проявляется на Руси с такой беспощадно-страшной силой, не доказывает ли, что самоосуждающие способны к жизни? Не в русском характере иметь такой узкий национальный эгоизм, какой нередко встретить можно у англичанина, у немца, у француза (...) Народ наш с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и пред целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя; иногда даже он несправедлив к самому себе, — во имя негодующей любви к правде, истине ..

мо, как это бывает с дурными порывами его «горячего сердца». Вот почему ему всегда открыта возможность возрождения. Неожиданным образом выходит так, что, чем ниже опускается этот герой (и сознает свою «низость»), чем безусловнее его «позор» (и сознание «позора»), тем он в принципе и ближе к возрождению. Но оно способно осуществиться при одном условии — при условии, что герой помнит об утраченной им высоте: «И вот в самом-то этом позоре (Митя говорит о своем полете «в бездну (...) головой вниз и вверх пятами» — в том «унизительном положении», которое считает для себя «красотой». — В. В.) я вдруг начинаю гимн. Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облачается Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и Твой сын, Господи, и люблю Тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть» (14, 99).

Слова о «крае... ризы» заимствованы Митей из стихотворения Гете «Границы человечества» (1778—1781) в переводе А. А. Фета. Это стихотворение следует привести целиком:

Когда стародавний
Святой Отец
Рукой спокойной
Из туч гремящих
Молнии сеет
В алчную землю, —
Край Его ризы
Нижний целую
С трепетом детским
В верной груди.

Ибо с богами
Меряться смертный
Да не дерзнет:
Если подыметса он и коснется
Теменем звезд,
Негде тогда опереться
Шатким подошвам,
И им играют
Тучи и ветры;
Если ж стоит он
Костью дебелий
На крепкозданной
Прочной земле,
То не сроняться
Даже и с дубом
Или с лозою
Ростом ему.

С какой, например, силой эта способность осуждения, самобичевания проявилась в Гоголе, Щедрина и всей этой отрицательной литературе, которая гораздо живучее, жизненней, чем положительнейшая литература времен очаковских и покоренья Крыма. И неужели это сознание человеком болезни не есть уже залог его выздоровления, его способности оправиться от болезни... Не та болезнь опасна, которая на виду у всех, которой причины все знают, а та, которая кроется глубоко внутри, которая еще не вышла наружу и которая тем сильнее портит организм, чем, по неведению, долее она остается непримеченною» (20, 21—22).

Чем отличаются
Боги от смертных?
Тем, что от первых
Волны исходят,
Вечный поток:
Волна нас подьмлет,
Волна поглощает, —
И тонем мы.

Жизнь нашу объемлет
Кольцо-небольшое,
И ряд поколений
Связует надежно
Их собственной жизни
Цель без конца.

По мысли Гете, человек ограничен со всех сторон. Если он устремлен вверх, он теряет под ногами почву; если он остается на земле, ему далеко до неба, и все его возможности замкнуты малым кругом отпущенной ему жизни. Узкие границы индивидуального бытия раздвигаются лишь в цепи поколений — в границах целого человечества. Но бесконечность, которую Гете видит только за пределами частной жизни, герой Достоевского носит в душе. Любое ограничение человека с одной или с другой стороны зависит от него самого и носит характер добровольного отказа. Не то чтобы на протяжении данного ей на земле срока, но даже в самый краткий миг душа человеческая способна обнимать обе бездны — ту, что выше небес, и ту, что уходит в глубины преисподней. Ср. сказанное о Мите прокурором в книге «Судебная ошибка»: «...мы природы широкие, карамазовские <...> способные вмещать всевозможные противоположности и разом созерцать обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения <...> Две бездны, две бездны, господа, в один и тот же момент <...> Мы широки, широки, как вся наша матушка Россия, мы всё вместим и со всем уживемся!» (15, 129). Вопреки заключению прокурора, вопреки тому, что говорит сам Митя, та широта человеческой души, которая позволяет и в грязи «содома» не забывать о Боге, о чистом «идеале Мадонны», играет здесь спасительную роль. Не будь этого идеала и тяги к чистоте, не было бы и возможности возрождения. Несмотря ни на какой «гром». Ср. признания Мити в книге «Предварительное следствие»: «Господа, все мы жестоки, все мы изверги, все плакать заставляем людей, матерей и грудных детей, но из всех — пусть уж так будет решено теперь — из всех я самый подлый гад! Пусть! Каждый день моей жизни я, бия себя в грудь, обещал исправиться и каждый день творил всё те же пакости. Понимаю теперь, что на таких, как я, нужен удар, удар судьбы, чтобы захватить его как в аркан и скрутить внешнею силой. Никогда, никогда не поднялся бы я сам собой! Но гром грянул.

Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, страдать хочу и страданием очишусь!» (14, 458). И затем слова Мити Алеше: «Брат, я в себе в эти два последние месяца нового человека ощутил, воскрес во мне новый человек! Был заключен во мне, но никогда бы не явился, если бы не этот гром» (15, 30). Но, разумеется, этот «новый человек» точно так же никогда не воскрес бы в Мите и не явился, если бы он не был в нем «заключен».

Последняя ступень падения перед окончательным и бесповоротным погружением в преисподнюю бездну может быть, как видим, и последней ступенью на пути восхождения к Богу. Эта мысль занимала Достоевского с конца 1860-х годов (замысел «Жития великого грешника») и даже раньше. Она повторена и в «Братьях Карамазовых».

Подчеркнем в этой связи, что идея Ивана, что Бога нет и «всё позволено» (14, 64—65; 15, 42, 61, 67—68, 126), отменяющая нравственный суд над собой и другими, отменяет и всякую нужду, всякую потребность в возрождении. Оправдывая «содом», она оставляет мир во всем его содомском безобразии (или «красоте» — если это безобразие кому-нибудь нравится). Вот почему любые проявления благородства Мити, да и он сам (все его «гимны» Высшему на свете и в нем самом) Ивану глубоко ненавистны; ср., например: «Кстати, промолвим лишь два слова раз навсегда о чувствах Ивана к брату Дмитрию Федоровичу: он его решительно не любил и много-много что чувствовал к нему иногда сострадание, но и то смешанное с большим презрением, доходившим до гадливости. Митя весь, даже всею своею фигурой, был ему крайне несимпатичен» (15, 42), и затем: «Ну, освободите же изверга... он гимн запел, это потому, что ему легко! Всё равно что пьяная каналья загорланит, как „поехал Ванька в Питер“...» (15, 117). В этой ситуации ненависть Ивана к Мите по поводу возможного его злодеяния (убийства отца) гораздо менее объяснима, чем ненависть к его благородным порывам: «Замечательно еще и то, что он (Иван. — В. В.), чувствуя, что ненавидит Митю с каждым днем всё больше и больше, понимал в то же время, что (...) ненавидел его (...) именно *за то, что он убил отца!* Он чувствовал и сознавал это сам вполне» (15, 56). Ср. сказанное ранее о Мите: «Он даже успел оскорбить в это (...) свидание Ивана Федоровича, резко сказав ему, что не тем его подозревать и допрашивать, которые сами утверждают, что „всё позволено“» (15, 42).

Убеждение в том, что «всё позволено», не оставляет места нравственному негодованию. Оно исключает также, если отвлечься несколько в сторону, и всякую необходимость изменения порочного мира, делая любые способы его переустройства (в каком бы виде они Ивану ни представлялись) праздной затеей. Поэтому когда Иван говорит о таком переустройстве (статья о церковном суде, поэма «Великий инквизитор», поэма «Геологический переворот»), он противоречит сам себе.

Но вернемся к падениям Мити.

Надо заметить, что, опускаясь до уровня «насекомого» или «зверя», Митя, как и любой человек в сходном положении, и на этом уровне не может удержаться. В силу многосложности своей души и многосторонности ощущений (эта тема «Записок из подполья») он по необходимости скользит еще ниже. Ср. рассуждение Ивана о зверстве турок и черкесов в Болгарии: «Выражаются иногда про „зверскую“ жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток. Тигр просто грызет, рвет и только это и умеет. Ему и в голову не вошло бы прибавить людей за уши на ночь гвоздями, если б он даже и мог это сделать» и т. д. (14, 217). Ср. также признания Мити в исповеди перед Алешей («Исповедь горячего сердца. В анекдотах»): «...я всегда переулочки любил, глухие и темные закоулочки, за площадью, — там приключения, там неожиданности, там самородки в грязи. Я, брат, аллегорически говорю. У нас в городишке таких переулков вещественных не было, но нравственные были (...) Любил разврат, любил и срам разврата. Любил жестокость: разве я не клоп, не злое насекомое?» (14, 100). Но «разврат», и «срам разврата», и «жестокость» (т. е. всякое зло), а также любовь к злу и любованье злом (то, что Митя называет красотой «содома») не имеют никакого отношения к «насекомым». Всё это исключительно человеческие свойства, ощущения и понятия. Таким образом, добровольно сузив себя до размеров «насекомого» (напомню: «...широк человек, слишком даже широк, я бы сузил»), человек не может оставаться и в этих жалких границах и выскакивает за пределы не только человеческого, но и всякого земного (природного и Богом данного) порядка. Вот почему отказ от благородства и свойственной человеку высоты ради наслаждений «насекомого» или «зверя» — с самого начала грех и преступление. Перед Богом и миром Божиим с их порядком.

И это естественно. Пути своеволия — пути дьявола, ибо именно своеволием начал дьявол, отпав от Бога и низвергшись (раньше Мити и кого бы то ни было) с данной ему высоты (ср.: «...пусть я иду (...) вслед за чертом...»)⁵ Эти пути, как правильно обозначил Митя, ведут в «бездну», где (этого герой не договаривает) нет ни света, ни радости, ни широты. Напротив, там мрак, безысходная мука и такая узость и теснота, при которой человек, лишенный собственной воли, не способен ни двинуться с места, ни вздохнуть. Своеволие в конце концов ведет к рабству — абсолютной покорности чужой, бесконечно злой, враждебной Богу, людям и жизни силе (новая вариация на тему, достаточно

⁵ Слово «изверг», часто повторяющееся в романе (главным образом по отношению к Мите), и связано с этим мотивом низвержения, извержения из границ природного и Божественного порядка.

подробно изложенную в «Бесах»⁶). Эта сила не способна творить. Она только уничтожает. Вмешиваясь в жизнь, она вносит в нее гибель, хаос, разложение, она вносит смерть — крайнее выражение распада и беспорядка. Но кто решится назвать этот смрад и грязь гниения «красотой»?

Отказ от благородства и дарованной людям высоты в самой сути своей самоубийствен и смертелен — и для того, кто идет путями своевольных, эгоистических желаний, и для тех, кто им мешают. Ср., например: «Митя вбежал, кинулся на Феню и крепко схватил ее за горло.

— Говори сейчас, где она, с кем теперь в Мокром? — завопил он в иступлении.

Обе женщины (Феня и ее бабушка. — *В. В.*) взвизгнули.

— Ай скажу, ай, голубчик Дмитрий Федорович, сейчас всё скажу, ничего не потаю, — прокричала скороговоркой насмерть испуганная Феня. — Она в Мокрое к офицеру поехала» (14, 357).

Затем, когда Митя вполне осмыслил известие о «прежнем и беспорядном» и решил «устраниться» («Не помешаю и устранюсь, сумею устраниться. Живи, моя радость...» — 14, 358), он говорит Петру Ильичу Перхотину: «Порядку во мне нет, высшего порядка... Но... всё это закончено, горевать нечего. Поздно, и к черту! Вся жизнь моя была беспорядок, и надо положить порядок» (14, 366), т. е. в данном случае убить себя, чтобы не мешать жить другим, ибо жизнь не терпит беспорядка. Ср. далее: «За жизнь, голубчик, за жизнь выпьем, за жизнь предлагаю тост! (...) Благословляю творение, сейчас готов Бога благословить и его творение, но... надо истребить одно смрадное насекомое, чтобы не ползало, другим жизни не портило... Выпьем за жизнь, милый брат! Что может быть дороже жизни! Ничего, ничего!» (14, 366).

Жизнь противостоит смерти, она — результат созидательной мощи земли, она связывает и одушевляет. Она непрерывно производит новые, все более и более прекрасные формы. Начиная с каких-нибудь «насекомых», она кончает столь идеальной, гармонически совершенной, просветленно-чистой и одухотворенной плотью, что эта плоть оказывается достойной заключить в себе Господа Бога. На вершине упорядоченной лестницы живых существ, неустанно творимых Матерью-землей, оказывается Божия Матерь, Мадонна. В своем человеческом благородстве, в безупречной красоте души и тела она возносится не только над каждым земным созданием, освящая их всех своим явлением, но и над сонмом горних сил, уступающих ей первое место перед престолом Бога.

Митя говорит: «Выпьем за жизнь, милый брат! Что может быть дороже жизни! Ничего, ничего!». И тут же продолжает: «За жизнь и за одну царицу из цариц» (14, 366). Он имеет в виду Грушеньку,

⁶ Я имею в виду теорию Шигалева, а также теорию и ее практическое применение Кирилловым.

поднятую его словами на такую высоту, какую только может вообразить исступление любовного чувства, лишенного в этот момент всякой корысти, inferнального томления и «изгибов» (ср.: 14, 109; 15, 33).

«— Выпьем за жизнь, — соглашается Петр Ильич, — а пожалуй, и за твою царицу» (14, 366). «За твою» — потому что «царица из цариц» не «твоя», т. е. не Митина, вернее — не только Митина. «Царица из цариц» — одна на всех, и это безусловно Божия Мать, Богородица и Мадонна. Ср. Ее именование в молитвах — «Царица Неба и земли», «Всецарица» («Пантанасса»).

Помимо воплощения идеальной красоты, духовной и телесной, Богородица появляется в романе и ради других своих атрибутов: как скорбящая Богоматерь (это «*Mater dolorosa*», обнимающая крест в келье старца Зосимы, — 14, 37) и как Богоматерь — заступница рода человеческого (к ней, под ее святой покров на первых страницах романа протягивает Алешу его мать; ср.: «...он запомнил один вечер, летний, тихий, отворенное окно, косые лучи заходящего солнца (...) в комнате в углу образ, пред ним зажженную лампадку, а пред образом на коленях рыдающую как в истерике, со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко до боли и молящую за него Богородицу, протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородицы...» — 14, 18).

«Идеал Мадонны» в облике скорбящей Богоматери служит живым олицетворением боли о страданиях безгрешного ребенка, боли такой глубины и силы, какие ведомы лишь материнскому сердцу (эта тема прямо связана с «коллекцией» «фактиков» и «анекдотиков», которую демонстрирует Иван Алеше в главе «Бунт» книги «*Pgo и contra*»; ср. рассказ о генерале, затравившем на глазах матери ее сына⁷).

Но в качестве заступницы рода человеческого Богоматерь забывает собственную скорбь из любви и сострадания к людям, виновным в разных грехах и среди них — в крестной муке ее ребенка. Это основная мысль апокрифа «*Хождение Богородицы по мукам*», как ее толкует Достоевский, сообразуясь не столько с буквой, сколько с духом и смыслом заинтересовавшего его «отреченного» сочинения.⁸ Его пересказывает Иван в виде

⁷ Параллель, увязывающая мучения матери затравленного ребенка с мучениями Богородицы, отмечена и объяснена (недостаточно точно) в работе А. Тарасьева. См.: *Тарасьев А.* Апокриф «Ход Богородице по мукам» у оквира идејног плана «Браће Карамазових» // Зборник Владимира Мошина. Београд, 1977. С. 289—293.

⁸ Будучи византийского происхождения, оно прижилось на славянской почве и на Руси было распространено, как пишет Н. С. Тихонравов, в «нескольких, не зависимых друг от друга редакциях» (*Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. М., 1862. Т. 1. С. X). Достоевский был знаком с апокрифом по следующим изданиям: *Пыпин А. Н.* Древняя русская литература. Старинные апокрифы. Сказание о хождении Богородицы по мукам // Отечественные запис-

«предисловия» к выдуманной им поэме («Великий инквизитор»), напоминая здесь же о средневековых драматических представлениях, повестях и «стихах» (т. е. духовных стихах), в которых, как и в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам», «действовали по надобности святые, ангелы и вся сила небесная» (14, 225).

Богородица этого апокрифа в сопровождении архангела Михаила посещает ад. «Она, — говорит Иван, — видит грешников и мучения их. Там есть, между прочим, один презанимательный разряд грешников в горящем озере: которые из них погружаются в это озеро так, что уж и выплыть более не могут, то „тех уже забывает Бог“ — выражение чрезвычайной глубины и силы. И вот, пораженная и плачущая Богоматерь падает пред престолом Божиим и просит всем во аде помилования, всем (...) без различия. Разговор ее с Богом колоссально интересен. Она умоляет, она не отходит, и когда Бог указывает ей на прогвожденные руки и ноги ее сына и спрашивает: как я прощу его мучителей, — то она велит всем святым, всем мученикам, всем ангелам и архангелам пасть вместе с нею и молить о помиловании всех без разбора. Кончается тем, что она вымаливает у Бога остановку мук на всякий год от великой пятницы до Троицына дня, а грешники из ада тут же благодарят Господа и вопиют к нему: „Прав Ты, Господи, что так судил!“» (14, 225).

Пересказ Ивана не воспроизводит ни одну из опубликованных при жизни Достоевского редакций древнего памятника. Может быть, писатель знал какой-нибудь неопубликованный его вариант. Косвенным указанием на это могло бы служить упоминание в тексте Достоевского великой пятницы вместо великого четверга, который отмечает начало остановки адских мук во всех известных нам редакциях. Но такая замена, подчеркивая значение искупительных страданий Спасителя, ничего не меняет по существу. Однако она не случайна, и, судя по всему, сделана автором вполне обдуманно.

Не отдавая предпочтения какой бы то ни было редакции, Достоевский, по-видимому, учитывал их все.

Слова Ивана о грешниках в горящем озере отсылают к заключительному моменту знакомства Богородицы с муками преис-

ки. 1857. № 11; *Буслав Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1; Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3; *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2; Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. СПб., 1861—1863. Т. 10 (публикация И. И. Срезневского); последняя редакция опубликована и в издании: *Срезневский И.* Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). СПб., 1863. Об этих публикациях (с характеристикой различных редакций) см.: *Ветловская В. Е.* Достоевский и поэтический мир Древней Руси: (Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых») // ГОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 298—300. Новейшую публикацию апокрифа с переводом его на современный русский язык см. в издании: Памятники литературы Древней Руси. XII век / Подгот. текста, пер., коммент. М. В. Рождественской. М., 1980. С. 167—183.

подней — к самым тяжким из тех, какие ей в ее хождении уже довелось видеть. Рассказ о них предварен характерными мотивами: «И рече к ней Михаил: „Почто ся плачещи, святая, неси ли видела велик мук”. И рече пресвятая: „Поведи мя, (да вижду) вся муки”. — И рече к ней Михаил: „Куды хощещи, благодатная, да изыдем на восток или на запад, или в рай, на десно или на лево, идеже суть великия муки?” — И рече пресвятая: „Изыдем на левую страну» (левая сторона — всегда сторона зла, в аде же, где добру вообще нет места, она предполагает величайшее зло, а следовательно, и величайшую муку).⁹ Здесь Богородица видит сначала огненную реку, потом огненное озеро: «...близ тоя реки бяше тма мрачна: ту лежаше множество муж и жен, и клокотаху яко в котле и яко морския волны». Когда эти волны вздымались вверх, грешники погружались вниз на тысячу локтей и в этой глубине уже «не можаху рещи: „Праведный судья, помилуй ны”». Ел же их червь неусыпный, и был слышен скрежет зубов. «Видевши Богородица ангелы скорбныи и уныли грешник ради, и восплакася пресвятая, и возопиша вси единым гласом, глаголюще: „Добре есте пришли во тму сию, да ны видить како ны есть мука; помолись, пресвятая, со архистратигом»». Богородица, «слыша (плач и) глас грешных, воздвигоша плач свои, вопиюще и глаголюще: „Господи, помилуй ны”», и когда она кончила молитву, «уоставися буря речная и волны огненныя, и явишася грешницы, яко зерна горочная. И видевши святая, прослезися и рече: „Что есть река си и волны ея?” — И рече к ней архистратиг: „Сии река вся смолена, а волны ея вся огнены, а иже ся мучат, то (то) суть жидове, иже мучиша Господа нашего Исуса Христа, Сына Божия, и вси языцы, иже крестишася во имя Отца и Сына и Святаго Духа, иже крестьяне суще, ти веруют в демоны и отвергошася Бога и святаго крещения, и еже блуд створиша по святом крещении, и с кумы ... своими и с матерьями своими и со щерьми своими, и отравницы, иже ядами уморяют человеки, и оружием убивают человеки, и дают дети своя, и того ради мучатся противу дело(м) своим”. — И рече святая: „По делом их буди тако”. И паки наиде на ня бурна река и огнена волны, и тма покры я. И рече Михаил к Богородицы: „Аще ся кто затворит во тме сей, несть памяти о нем от Бога”. — И рече пресвятая: „О люте грешником, яко неусыпаемыи (есть пламы) огня сего!”

И рече к ней архистратиг: „Поди, пресвятая, да ти покажу езеро огнено, да видиши, где мучатся род христьянский”. И виде, и услыша плач и вопль от них, (а) онех не бе видети, — и рече: „Котории си суть, что (ли) согрешение их есть?” — И рече к ней Михаил: „Сии суть, иже крестишася и крест словом нарицаху, а

⁹ Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. С. 121—122; ср.: *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 26; Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. 10. Стб. 567—568.

дияволя дела творяще; и погубиша время покаянию, и того ради мучатся тако zde»¹⁰.

В пересказе Ивана огненное озеро и огненная река совмещаются. Именно в озеро грешники «погружаются (...) так, что уж и выплыть более не могут» (ср.: «услыша плач и вопль от них, (а) оных не бе видети»), но слова архангела о тех, кого «забывает Бог» («несть памяти о нем от Бога»), относятся к грешникам в огненной реке. Такое совмещение не случайно, оно оправдано текстом. Ведь в озере мучается тот же разряд грешников, что и в реке. Ср.: «сии суть, иже крестишася и крест словом нарицаху, а дияволя дела творяще...», и ранее: «...вси языцы, иже крестишася во имя Отца и Сына и Святаго Духа, иже крестьяне суще, ти веруют в демоны и отвергошася Бога и святаго крещения, и иже блуд створиша по святом крещении...» и т. д. (идет перечисление «диаволовых дел»). В одной из редакций апокрифа огненное озеро описывается словами, какими в других редакциях описана огненная река, ср.: «И рече архангел Богородици: „Почто се плачешь, о дево, еще неси видела великих мук“. И рече Богородица: „Поидемь да видимь“. И приидоше и видеше озеро велико смолно, и огонь исхождаше от него велик, и народ множество беше в немь и не можаху рещи: „Господи, помилуй“»¹¹ Здесь в озере мучаются только те, кто распял Христа, тогда как в прочих редакциях они вместе с другими отправлены в огненную реку.

Как бы то ни было, после посещения огненной реки и огненного озера «рече пресвятая ко архистратигу: „При едино(и) молитве молотися, да вниду и аз, да ся мучу со крестьяны, и понеже нарекоша(ся) чада сына моего“. — И рече архистратиг: „Почиваи в раи“»¹² Тогда Богородица просит вознести ее к престолу Господа Бога ради того разговора, который, по мнению Ивана, «колоссально интересен».

Надо заметить, что Богородица молит Бога не о справедливости. Божья справедливость в наказании грешников за их грехи у нее не вызывает сомнений. Отсюда повторяющийся в апокрифе мотив «по делом их буди тако». Ср. ее слова по поводу грешников, мучающихся в огненной реке, и ранее: «И виде святая на друзем месте висяща мужа за четверо, за вся края ногот его, исхожаше кровь велми зело, и язык его вязашеся от пламени огненаго, не можаше воздохнути, ни рещи: „Господи, помилуй“»

¹⁰ Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. С. 122; ср.: *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 26–27; Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. 10. Стб. 569–570.

¹¹ *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 37; *Буслаев Ф.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 495.

¹² Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. С. 122; ср.: *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 27; Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. 10. Стб. 569–570.

(...) И рече ангел: „Се есть иконом (и) церкви служитель, (и) не творя воля Божия, (но) продающе сосуды, имение церковное, и глаголаша: «иже церкви работает, то от церкви питается», и того ради мучится zde”. — И рече святая: „Якоже есть сотворил, тако приемлет”. И паки ему ангел связа язык». ¹³ Богородица молит о милости: «...и возде руке свои ко благодатному Сыну своему, и рече: „Помилуй, Владыко, грешныя, яко видех я, (и) не могу терпети, да ся мучю (и) аз со крестьяны”». ¹⁴ В ответ на это (в большинстве редакций, но не во всех) «прииде глас к ней, глаголя: „Како хошу тья помиловати? а вижу гвоздия во дланех сыну моему, да не имам я како те помиловати”». ¹⁵ В духовном стихе, повествующем о Страшном суде и варьирующем мотивы апокрифа, ответ Бога звучит несколько иначе:

Притечет Мати Всепетая
 Ко престолу ко Божьему,
 Проглаголет Мати Всепетая,
 Госпожа Владычица и Богородица:
 — Иисус Христос, пресладкий Сын,
 — На престоле Судья праведный!
 — Моги ради мене грешных рабов помиловать
 — От злыя муки вечныя,
 — От огня-пламя неугасимаго,
 — От пропасти неисповедимыя,
 — Да все ради меня,
 — Госпожи Владычицы и Богородицы! —
 Проглаголет Господи ко Матери
 Со престолу со Божьяго:
 «Ой ты, Мати Моя Всепетая,
 Госпожа Владычица и Богородица!
 Могу ради тебя грешных рабов помиловать
 От злыя муки вечныя,
 От огня-пламя неугасимаго,
 От пропасти неисповедимыя,
 Да все ради тебя,
 Госпожи Владычицы и Богородицы:
 Да можешь ли, Мати, Меня видети
 Во вторые на Христове на распятии?» ¹⁶

Иван утверждает, что Богоматерь апокрифа «просит всем во аде помилования, всем (...) без различия». И далее: «...она велит

¹³ Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. С. 120—121; ср.: *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 25—26; Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. 10. Стб. 561—564.

¹⁴ Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. С. 123; ср.: *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 28; Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. 10. Стб. 571—572.

¹⁵ Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. С. 123; ср.: *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 28; Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. 10. Стб. 571—572.

¹⁶ *Бессонов П.* Калики перехожие. М., 1863. Вып. 5. С. 132—133; ср. С. 131—132.

всем святым, всем мученикам, всем ангелам и архангелам пасть вместе с нею и молить о помиловании всех без разбора». Это не вполне так. Именно в тех редакциях, где Бог «указывает ей на прогвожденные руки и ноги ее сына», Богородица делает уступку: «Владыко, не молюся за неверных жида, но за крестьяны молю твое милосердие».¹⁷ В тех редакциях, где этого указания нет, Богородица делает сходную оговорку: «Владыко, не молю ти се за поганых езикъ (т. е. язычников. — *В. В.*), нь род христианскы».¹⁸ В варианте духовного стиха, цитированном выше, на вопрос Христа о втором распятии Богоматерь тоже уступает:

И расплчится Мати Всепетая
Над многими над грешными;
Проглаголет Мати Всепетая:
— Иисус Христос, пресладкий Сын,
— На престоле Судья праведный!
— Не могу я Тебя видети
— Во вторые на Христове на распятии,
— Не могу забыть Твое прежнее помучение,
— Не могу я ту чару выпити,
— Горькими слезами плачучи.
— Не жаль мне такового народа многогрешнаго,
— А жаль мне своего Сына родимаго,
— Христа Царя Богонеснаго!

После этого Господь отправляет грешников в ад.¹⁹ Он, однако, убежден, что жалость к Нему, Сыну, вопреки словам самой Богородицы, не вытеснит из ее сердца жалости к многогрешному народу, что она снова будет и плакать, и просить о нем. Это ясно обозначено в финале стиха:

Роступится мать сыра земля на четыре четверти;
Протечет грешным рабам река огненна,
От востоку солнца до запада,
Пламя пышет от земли и до небеси;
С небес сойдут на землю святы ангелы (...)
Погонят грешных рабов в реку огненну (...)
Тогда сядет Сам Иисус Христос
На престоле Судья праведный,
Задержит грешных рабов
Святым Духом Господним,

¹⁷ Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. С. 123; ср.: *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 28; Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. 10. Стб. 571—572. Это несовпадение пересказа Ивана с апокрифом отметил А. Тарасьев. По мнению исследователя, Достоевский либо пользовался особой редакцией апокрифического рассказа, либо изменил его в угоду собственной концепции. См.: *Тарасьев А.* Апокриф «Ход Богородице по мукама» у оквирима идејног плана «Браће Карамазових». С. 291—293. Хотя знакомство Достоевского с особой редакцией вполне возможно, думаю, что исследователь все-таки поспешил с общим выводом.

¹⁸ *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 37; ср.: *Буслаев Ф.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 495.

¹⁹ *Бессонов П.* Калики переходящие. Вып. 5. С. 133; ср. С. 132.

Землей, травой и муравой,
Чтобы от грешных от рабов не слышати
Госпоже Владычице и Богородице
Не писку, не визку, не взраду (не взрыду? не вереску?),
И не зубнаго скрыдания (скрежетания, скрыгтания),
И не слезнаго рыдания,
Госпожи Владычицы и Богородицы.²⁰

В другом варианте:

Понесет (...) река огненная
Человека многогрешнаго
По мукам по разноличным (...)
Повелит Господь всем ангелам, архангелам,
Брегá с места содвигнути,
Повелит Господи перстьем засыпати,
Святым духам замуравити,
Чтоб от грешных было не слышати
Ни зыку, ни крику, ни рыдания
Госпоже Богородице.²¹

Предполагается, что любой «язык» и «крик» или «писк» и «вереск» заставит Богородицу сочувственно отозваться и немедленно принять свои меры. Упорство Владычицы Неба и земли в заступничестве за грешников выражено прикровенно, но благодаря неожиданной концовке с поразительной художественной силой.

В другом духовном стихе, где Богородица молит Бога об избавлении от адских мук лишь одного разряда грешников (тех, кто чтит ее имя), эта мысль высказана без всякой прикровенности:

Матушка Владычица просит:
— О Сыне мой, Сыне возлюбленный!
— Прости эти души грешныя (...)
«О Матушка, Пресвятая Богородица!
Хочешь ли Меня за грешных
Видети на вторым на распятии?»
— О Сыне мой, Сыне возлюбленный!
— Не токма что видети на распятии,
— Не хочу это и слышати! —
Опять просит Матушка,
Владычица Богородица:
— Прости (...)
— Сыне мой, Сыне возлюбленный! —
«О Матушка, Пресвятая Богородица!
Прошу (...)
По твоему по прошенью!»²²

В этом духовном стихе Богородица, моля о грешниках, не отступает от Господа Бога. Так обстоит дело и в апокрифе — с той разницей, что в апокрифическом рассказе она молит за всех,

²⁰ Там же. С. 134—135. Пояснения в скобках принадлежат издателю — П. А. Бессонову.

²¹ Там же. С. 133—134.

²² Там же. С. 135—136.

томящихся в адских муках (ср. варианты духовного стиха, цитированного вначале).

Иван прав: несмотря ни на какие оговорки, Богоматерь на самом деле просит Бога «о помиловании всех без разбора». Этой просьбой она всегда и начинается. Так в приведенном выше тексте из «Памятников старинной русской литературы...» и, может быть, еще яснее в следующем: «И въздвиже руце свои къ престолу владычному, и възупи (...) „помилуй, Господи Боже, Творче небо и земли, и въсьмь видимим и невидимим, помилуй, Владыко, мир свой, якоже видехъ велико мучимиих и не могу их тръпети, нь и азъ да се бих мучила съ ними”».²³ Никаких оговорок о тех, кто распял Христа, или о язычниках здесь нет.

Надо сказать, что граница между родом христианским и родом человеческим в апокрифе вообще проведена весьма нечетко (в этом ярче всего, может быть, и видна «отреченная» его природа). Так (в одной из редакций), идучи с архангелом по аду и остановившись вблизи тех, чьи муки были скрыты от глаз непроницаемой тьмой, «въпроси Пречистаа, глагола: „Что суть сии, что ли имь суть гресы?” И рече Михаил къ ней: „Тызи не суть веровали въ Святую Троицу, яко от тебе родисе Христос Богъ”. И просльзисе пресвятаа, и рече: „Яко за мене мучитьсе родъ христианьски”»,²⁴ хотя, казалось бы, к этому роду едва ли можно отнести не веровавших ни в Божию Матерь, ни в Христа и Святую Троицу. В других редакциях те же грешники сами именуют себя «христианским родом». Увидев Богородицу, они говорят: «„Како (ны) еси присетила, святая Богородица, но Сын твой благодатны(и) на землю приходить, и не въпроси нас, то ни Авраам прадед, ни Моисеи пророк, ни Иоанн креститель, то ни апостол Павел, возлюбленник Божий, но ты, пресвятая Богородице, заступнице, — ты еси роду христьянскому стена, ты молишь Бога, како еси нас присетила бедных?” Тогда рече святая Богородица ко архистратигу Михаилу: „Что естъ согрешение тех?” — И рече Михаил: „Сии суть, иже не верова(ша) во Отца и Сына и Святаго Духа, то ни в тя, святая Богородица, не хотяща проповедати имени твоего, якоже родиса от тебе наш Иисус Христос (...) — да того дея в том месте мучатся”. И паки прослезиса святая Богородица и рече к ним: „Почто (ся) соблазнисте, не весте ли вы, якож мое имя чте все создание?”».²⁵

Далее. Уже после того, как она отказалась молиться за мучителей Сына, «рече паки пресвятая: „Помилуй, Владыко, греш-

²³ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 37; ср.: Буслав Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 495.

²⁴ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 32—33; ср.: Буслав Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 494.

²⁵ Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. С. 119. В дальнейшем апокриф цитируется по этому изданию без отсылок к параллельным местам других редакций.

няя; помилуй, Господи, тварь руку свою, яко по всей земли твое имя нарицают и в муках и на всяком месте (и по всей земли) глаголюще: «Пресвятая госпоже Богородице, помогаи нам...»²⁶ Любое обращение к Богу («и в муках и на всяком месте») для Богородицы означает мольбу и к ней и любое обращение к ней — мольбу и к Господу Богу. Число людей, нуждающихся в ее заступничестве и имеющих право на него, для Богородицы, как и для Господа Бога, ничем не ограничено. Это все, сотворенные рукой Господней. Но ведь других и нет. Ср. далее: «Тогда рече к ней Господь: „Послушай, пресвятая Богородице, Владычице, — несть того человека, иже не любит (в другой редакции — «не молить». — В. В.) имени твоего; аз же не оставляю тех то ни на небеси, ни на земли»».²⁷

Но в данном случае Богоматерь молит о тех, кто в преисподней. Не успокоенная ответом, она призывает себе на помощь святых, которые, правильно понимая ее призыв, просят Господа за всех грешников без изъятия: «Тогда Михаил (архистратиг и) вси ангели рекоша: „Помилуй, Владыко, грешныя”. Тогда Моисеи возопи, глаголя: „Помилуй, Владыко, (яко) аз закон твой дах им”. Тогда Иоанн возопи, глаголя: „Помилуй, Владыко, аз евангелие твое проповедах им”. Тогда Павел возопи, глаголя: „Помилуй, Господи Владыко, яко аз епистоля твоя приях (в другой редакции — «принесох». — В. В.) церквам”».²⁸ Господь говорит на это святым, что если судить грешников по закону, или по Евангелию, или по апостольским посланиям, то как раз то наказание, которое грешники заслужили, они и получают. Богородица опять пытается заступиться за несчастных, матерински покрывая их грехи: «Помилуй, Владыко, грешныя, яко ти евангелие прияша и закон твой сохраниша».²⁹ (В другой редакции — «закон твой съблюдоше и заповедни твое съхранише»³⁰). Но Бог, опустив этот довод, не отвечающий действительности, возражает ей, говоря, что люди, будучи однажды уже помилованными, не раскаялись и продолжают упорствовать в зле. А если так — то воздастся им по злобе их. Тогда все святые, слыша сказанное Владыкой, «не смеша что отвещати».³¹

Когда Богородица увидела, что Господь не послушал их и все отступились, она вновь взывает к святым: «Где есть архистратиг Гаврил, иже возвести мне, — радуйся (...) где суть служители престола, где есть Иоанн Богословец? (...) не видите ли мене плачущую за грешныя? Приидете вси ангели и суции на небесех; приидете вси праведнии (...) Прииди ты, Михаиле, (...) повели

²⁶ Там же. С. 123.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 38.

³¹ Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. С. 123.

(и) всем, да припадем пред невидимым Отцем и не подвижем себе, дондеже послушает нас Бог и помилует грешных». ³² Вняв молению Богоматери и святых, Владыка посылает к грешникам возлюбленного своего Сына.

«И сшед Господь от невидимаго престола, и увидеша (и) во тме сущии, и возопиша вси единым гласом (все, без исключения. — В. В.), глаголюще: „Помилуй ны, Сыне Божий; помилуй ны, царю всех век”». ³³ Тогда Господь напоминает им их грехи, не делая, как и Богородица, никакого различия между родом человеческим и родом христианским: «„Слышите вси, — рай насадих и человека создах по образу своему и поставих (и) господина раеви, и живот вечный дах им, они же ослуху створиша и в своем хотении согресиша, и предашась смерти; аз же не бых хотел обозрити дела руку своею мучима от диявола, снидох на землю и воплотихся во девицу, и вознесохся на крест, да свобожу ся от работы и от первыя клятвы («чтобы освободить их от рабства и первого проклятия». — В. В.); воды испросих, и даша ми желчи со оцетом смешено; руце мои создаста человека, — и во гроб вложиша мя; да и во ад снидох и врага своего попрах, избранны своя воскресих, Иордан благослових, да вы прошу от первыя клятвы, — и вы небрегосте покаяться грехов своих, но крестьяне ся творяще словом точию, а заповедей моих не соблюдосте; да того ради обретостеся во огни негасимом, да не имам вас помиловати. Ныне же за милосердие Отца моего, яко посла мя к вам, и за молитвы матери моея, яко плакася много за вас, и за Михаила архистратига завету и за множество мученик моих, яко многа трудишася за вас, — и се даю вам (мучащимся) день и ночь от великого четверга до святого пянтикостия, имете вы покои и прославите Отца и Сына и Святаго Духа”. И отвечааша вси: „Слава милосердию твоему”». ³⁴ В память собственного страдания и искупления рода человеческого от греха и проклятия Господь, как и просила его Богоматерь, оказывает милость всем грешникам, освобождая их от мук на определенный срок — от Великого четверга (канун Страстной пятницы) до Троицына дня (праздника в честь трипостастного единого Бога — Отца и Сына и Святаго Духа). ³⁵

³² Там же. С. 123—124.

³³ Там же. С. 124.

³⁴ Там же. В другой редакции: «„За ради (...) за многие матере мое слъзи, и за святых моих ради, яко умолише ме, да имь есть покои, от великого четвртка до всех святых”. Тогда же свята Богородица и вси святые агели, архатели, апостолы, и пророци, и мученици вси единым гласомь възупише: „Слава царствию ти, Владыко, слава съмотрению твоему, Едине Человеколюбче”» (*Тихофоров Н.* Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 38—39).

³⁵ Об этом искупительном страдании напоминает Господу Богоматерь, воззвав к архангелу Гавриилу и ранее призвав на помощь своей молитве — помимо других — в одних редакциях Святую Неделю (воскресение) и Святую Пятницу («...где есть Неделя, похвала христьянская; где ли есть сила Честнаго креста, иже Адама и Исвгу от клятвы избави?» Ср.: «Где Святая Неделя и Святая Петка —

Заметим, что если бы даже Богоматерь и в самом деле просила только о христианах, то и тогда исполнение ее просьбы означало бы освобождение от мук и всех остальных. Дело в том, что в большинстве редакций христиане и нехристиане мучаются вместе. Так, в одной и той же огненной реке Богородица видит и христиан, и тех, кто мучил Христа. Это значит, что справедливостью Божьего суда грехи тех и других уравниваются (ср. также: «крестьяне ся творяще словом точию, а заповедей моих не соблюдоште»). Поэтому милосердие, оказанное одним, в силу той же справедливости должно распространиться и на прочих. Одно наказание — одно и помилование. Это разумеется само собой: ведь если Господа и можно молить о милости, то о справедливости его молить не нужно. Она присуща Богу раз и навсегда, она неизменна.

Но Богоматерь все-таки просит о всех. Как ясно из разных редакций апокрифа (и восходящих к нему духовных стихов), она поступает лично, исклчительно к Сыну направленным чувством ради более широкой, но столь же горячей и сострадательной любви ко всем без исключения людям. В конце концов она прощает их всех, в том числе и «смердно-грешных» (ср.: 14, 226), в том числе и тех, которые из-за своих злодеяний низверглись в такую глубину бездны, что их уже не видит и не слышит Бог (их «уже забывает Бог»). Моля за них, Богоматерь не вникает в степень чьей бы то ни было вины и классификацию преступлений.³⁶ В безмерности своей материнской любви, не желающей знать пределов, она уравнивает этих грешных, но страждущих детей земли (уравнивает не в торжестве их греха, а в беде и страданиях) со своим божественно-безгрешным Сыном. Они все для нее — «дитё». Ср.: «И рече паки пресвятая: „Помилуй, Владыко, грешныя; помилуй, Господи, тварь руку своею, яко по всей земли твое имя нарицают и в муках и на всяком месте (и по всей земли), глаголюще: пресвятая госпоже Богородице, помогай нам, — (и) егда ражается человек, и глаголетъ: святая Богородице, помози ми”».³⁷

Знаменателен последний мотив. Когда человек рождается, он ничего не «глаголет», он кричит. Первый нечленораздельный крик ребенка (его «писк» и «вереск»), возвещающий, казалось бы, только о том, что новый человек явился в мир и отныне сопричтен всем земнородным, Богородица воспринимает как ясно выговоренный и именно к ней обращенный призыв о

мирская похвала?»), в других — только Святую Пятницу («...где есть Святе Петка, мирска похвала?»). См.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. С. 123; Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. С. 495; Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 38.

³⁶ При этом вина остается виной и преступление — преступлением. Простить — не значит оправдать. Ср., например, рассуждение об этом Достоевского в «Дневнике писателя» за 1873 год, гл. «Среда» (21, 13—23).

³⁷ Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. С. 123.

помощи, на который она спешит ответить со всею силою материнской любви. И далее — во всякое время и на всяком месте любое страдание, выражается оно словами или нет, для нее звучит тем же призывом и той же необходимостью помочь и защитить как малое, так и большое «дитё». Ср.: «...есть малые дети и большие дети. Все — „дитё“» (5, 31). Именно эта мысль апокрифа и народных духовных стихов, с ним связанных, и была важна Достоевскому.

Образ Богоматери в этой апокрифической и народной трактовке то менее, то более явно сближается с Матерью-землей. В духовных стихах это сближение очевидно.³⁸

Мать-земля в неистощимо деятельной любви производит все живое. Она хлопочет о бессмертии и продолжении жизни в ее материальных, ограниченных временем формах. Принимая все и всех в свой срок в свое лоно, она творит и творит опять. Она упраздняет смерть во имя бесконечного возрождения.

Богородица освящает земную жизнь, благословляет и защищает ее, а затем матерински печется о ней в горних сферах. Она беспокоится о детях земли и здесь, и в жизни вечной.

Понятно, почему именно Митя, самый земной из братьев Карамазовых,³⁹ и должен был заговорить об «идеале Мадонны». Позднее, объясняя на предварительном следствии, как случилось, что он удержался от страшного греха и преступления и все-таки не убил отца, он сказал: «...слезы ли чьи, мать ли моя умолила Бога, дух ли светлый облобызал меня в то мгновение — не знаю, но черт был побежден» (14, 425—426). Вот она, победа! Битва дьявола с Богом в сердце самого Мити завершилась тогда во славу добра.

И что бы ни берегло героя «в то мгновение», за него, уж конечно, заступилась Божия Мать, его Мадонна.

Так, отсылая читателя к апокрифу и народным стихам, Достоевский повторяет важнейшую в романе мысль. Только сознание своей вины (возможное лишь при условии высокого идеала) и искупительное страдание даруют человеку покровительство небесных сил и победу блага, а вместе с ним — и самой светлой, жизнеутверждающей и совершенной красоты, заключенной в облике Богоматери и Мадонны.

³⁸ Ср., например: *Бессонов П.* Калики переходже. Вып. 5. Стихи № 480, 481, 482, 504 и др. Здесь за обращением грешников к Царице Небесной следует обращение к Матери-земле, реже — в обратном порядке. Иногда грешники обращаются только к Царице Небесной (№ 483, 484, 485 и др.), иногда — к Матери-земле (№ 497, 499, 500 и др.). См. также: *Смирнов С.* Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1914. С. 255—283.

³⁹ Имя Дмитрий от греч. Demetrios, т. е. принадлежащего Деметре (в греч. пантеоне — богине земледелия и плодородия, Матери-земле; в римском пантеоне соответствует Церере). Об этом значении имени героя см., например: *Зандер Л. А.* Тайна добра: (Проблема добра в творчестве Достоевского). Frankfurt a. M., 1960. С. 32, 143—144; *Альтман М. С.* Дмитрий и Деметра // Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975. С. 115—117.